
Я. Г. РИЕР

В ПОИСКАХ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ

История, содержащая опыт прошлого, издавна интересна не только профессионалам, но и широкому кругу ученых разных специальностей. Кажущаяся доступность исторического материала, излагаемого общепонятным языком, вводит в искушение сказать свое слово в понимании прошлого и без особой подготовки, что нередко приводит к ошибкам. Но есть и положительные примеры удачного сочетания природоведческих и гуманитарных подходов в историческом анализе. В таком качестве рассмотрены исследования Э. С. Кульпина в рамках разработанного им социоестественного изучения истории. Тем не менее некоторые общетеоретические воззрения автора СЕИ вызывают необходимость уточнений, изложенных в статье. В заключении предлагается общий взгляд на начало социализации человеческого сообщества.

Ключевые слова: история, естественники, гуманитарии, социоестественная история, исторические источники, моделирование исторических процессов, Запад – Восток, китайская цивилизация, европейский Запад, Античность, Средневековье.

Давным-давно, на самой последней в студенческой жизни лекции преподавателю был задан вопрос о смысле истории. С оговоркой: мол, мы-то, уже почти дипломированные историки, для себя все понимаем. Но как это объяснить другим? Ответ не отложился, ибо лектора, вероятно, застали врасплох и он сказал что-то неопределенное. Действительно, вращаясь в своей среде, специалисты редко задумываются над общими смыслами. Это как размышлять над последовательностью наших действий, например, при ходьбе: в итоге можно впасть в ступор. Возможно, поэтому историки, увлеченные своими конкретными проблемами, весьма нечасто и неохотно вступают в общие дискуссии, особенно с теми, кого считают дилетантами.

Но во времена бурных общественных изменений к истории, содержащей в себе опыт прошлого, обращаются далеко не только

специалисты. В русскоязычном сегменте вспомним, например, исторические заметки М. В. Ломоносова или более известное ныне сочинение ботаника по своей первой специальности Н. Я. Данилевского «Россия и Европа». В наше время массовой образованности, к которой в последние десятилетия добавилась информационная революция с новыми возможностями, думы об окружающем мире стали одолеваять все большее число интеллектуалов, не погруженных в изучение истории профессионально.

Я не веду речь об абсолютном историческом невежестве таких одиозных в своей самоуверенности личностей, как академик (но в математике!) А. Т. Фоменко, или возомнивших себя историками беллетристов типа А. А. Бушкова («Россия, которой не было») и иже с ними. По этому поводу еще А. Дюма (старший) заметил, что он использует историю, когда она опускается до уровня романа¹.

Очевидно, опора на прошлое, на седую древность сохранила свой авторитет. При этом кажущаяся доступность исторического материала, не содержащего формул и других сложных форм отображения материи, вводит в искушение сказать свое слово в понимании прошлого и без особой подготовки. Специалистам, скажем так, из смежных и более удаленных областей знаний, очевидно, представляется, что они могут обновить историю с помощью методов своих наук и не только сделать ее более точной, но и добавить прогностический элемент, чего историки обычно избегают, понимая, что нельзя предвидеть все факторы, влияющие на общественные процессы. Естественники же, как правило, опираются на теории, в которых предсказана перспектива изучаемых процессов и явлений материального мира с соответствующими результатами. Отсюда и уверенность (по крайней мере, судя по публикациям, которые мне приходилось читать), что и в общественной жизни тоже можно делать прогнозы. Надо лишь подобрать соответствующие факты и уложить их в математические модели.

Именно такова, например, одна из основных целей обращения к истории в книге биолога П. В. Турчина об исторической динамике (Турчин 2010). Мне уже довелось подробно рассмотреть эту книгу

¹ «История, стремящаяся быть увлекательной, слишком уж отдает фальшью и остается имитацией» (Вен 2003: 17).

с позиций историка (Риер 2014). Поэтому здесь лишь замечу, что при широкой эрудиции ее автора и его старании не только уважительно относиться к историческим фактам и методам, стремлении всеохватно их рассматривать, сказались привычки естественника – все многообразие общественного развития сводить к неким базовым элементам и на этой основе строить модели. На конкретных примерах я постарался показать, что нельзя объять необъятное – в ряде случаев автор просто ошибался. А отбор основополагающих фактов без глубокого погружения в исследования конкретных исторических эпох и процессов часто оказывался случайным. Хотя в отдельных случаях модели действительно получались вполне адекватными. Значит, автору повезло в выборе исходного материала. Но даже при этом нет никаких гарантий, что разработанные модели будут пригодны и для прогнозов². Вдруг, как в известном стихотворении, в кузнице не окажется гвоздя, и лошадь полководца останется неподкованной... Вариативность истории хорошо показали братья Стругацкие в романе «Трудно быть богом». В других случаях «исходники» в моделях Турчина оказались не совсем корректными. Но дело здесь не в недоработках автора, а в отсутствии рядом профессионального консультанта-историка.

Другой пример – исторические штудии геофизика В. В. Клименко. На основании разработанных в последние десятилетия довольно подробных графиков колебаний климатов прошлого в серии публикаций ученый представил собственный взгляд на исторические процессы и закономерности. Эти тексты, в том числе и в исторической научной периодике (журнал «Восток»), вызвали хоть и не очень активные, но все же отклики историков (Карпюк 2007; 2010; Риер 2012а³). В них отмечалась значимость анализа истории климата для лучшего понимания исторических процессов и признавались соответствующие заслуги автора. Но помимо замеченных неточностей (автор прямо признавал, что пользовался в основном историческими справочниками) отмечались неверные выводы. В частно-

² «История никогда не повторится, даже если бы ей случилось еще раз сказать то же самое» (Вен 2003: 13).

³ В данной статье приведена и основная библиография историко-климатических публикаций В. В. Клименко.

сти, о положительном влиянии ухудшений климата на творческую активность сообществ и этносов, их успехи и победы. И наоборот, кризисах и даже деградации при благоприятных климатических условиях. В своих заметках по поводу этих построений я, в частности, поставил вопрос: почему ухудшение климата в Восточной Европе в середине II тыс. н. э. способствовало укреплению Московской Руси, но не помогло ее терпевшим поражения соседям? И опять интересные наработки автора по истории климата «уперлись» в, возможно, неосознанный предел компетенции естествоведника в иной области знаний. Хотя в некоторых недавних исследованиях, уже совместно с историками, специальные знания В. В. Клименко удачно совместились с профессиональными наблюдениями его соавторов (Клименко и др. 2012а; 2012б; Коротаев и др. 2007).

Есть, однако, и успешные примеры применения методов точных наук в исторических исследованиях. Прежде всего это работы историков, имеющих математическую подготовку. Мне уже приходилось отмечать удачное применение статистических методов византинисткой К. В. Хвостовой, убедительно дополнившей свои исторические штудии новыми аргументами (Хвостова 2000; см.: Риер 2014: 251–252).

Хотелось бы отметить успешное соединение изначального технического образования с последующими многолетними историческими исследованиями у Э. С. Кульпина. Об одной из его монографий (о Золотой Орде) я уже писал (Риер 2009). В ней автору удалось представить географические аргументы при анализе причин упадка этого государства. Весьма ценными являются исследования Э. С. Кульпина по истории Китая, в которые он органично ввел анализ природных факторов, сопоставив их с особенностями противоположной части Евразии – европейского Средиземноморья (Кульпин 1999). Данное исследование проводилось автором в рамках предложенной им «социоестественной истории» (СЕИ), рассматривающей взаимовлияние природы и социума в рамках единого исторического процесса. Применяя данный подход к изучению становления китайского общества, Кульпин пришел к выводу о том, что ирригация стала следствием сочетания природных и хо-

зайственных мутаций еще в первобытную эпоху, что, кстати, вполне укладывается в концепцию китайского общества, предложенную еще в 50-е гг. прошлого века Карлом Виттфогелем (Wittfogel 1957). Далее он обратил внимание на последующее распространение культуры риса, требовавшее значительных водных ресурсов. Культивирование риса, подчеркивает Кульпин, обращаясь к специфике китайской истории, усиливало зависимость крестьянских общин от государства, препятствовало выделению парцеллярных хозяйств и не требовало развития агрикультуры, что, в свою очередь, учитывая крестьянский характер того общества, способствовало общему застою, характерному для китайской цивилизации (Кульпин 1999: 44, 143–162). Иная цивилизационная динамика – японская, несмотря на распространение культуры риса, объясняется, как и в Древней Греции, поликультурностью хозяйства – морским промыслом, занимавшим важное место в продовольственном обеспечении японцев, а также рано возникавшей частной земельной собственностью (по примерно тем же причинам, что и в античной Греции) (Там же: 198–205).

В другом исследовании анализ взаимодействия природы и социума позволил исследователю точнее оценить действия половцев, чьи стада вытаптывали поля земледельцев. Обычно историки исходят из представлений оседлого населения и вторжения кочевников рассматривают как агрессию с их стороны. Кульпин же показал, что агрессивность половцев диктовалась именно потребностями их хозяйства, которому в свою очередь мешало распространение полей растущего оседлого населения, вторгавшегося в зону их обитания (см.: Он же 2002: 120–122). В итоге автор посмотрел на конфликт земледельцев и кочевников с другой стороны и показал, что у каждого сообщества была своя правда. Это надо учитывать при анализе сложных многовековых отношений восточных славян с кочевым миром. Уточним лишь, что начало этого процесса следует отнести не к XI в., как у автора, а еще ко времени гуннского нашествия на Европу, к середине I тыс. н. э. Именно это нашествие и дало толчок расселению славян и выделению их восточной ветви.

Недавно Э. С. Кульпин представил обобщенные результаты своих работ в рамках объединения гуманитарных и естественно-научных методик изучения истории (Он же 2014). Здесь автор со-

брал воедино свои основные наработки в социоестественной истории за последние 20 лет. В контексте данной статьи наиболее интересны общетеоретические воззрения автора. Выделю узловые, с моей точки зрения, моменты.

Основное внимание ученый уделяет обоснованию выбранного им направления: интеграции естественно-научных и гуманитарных подходов к историческому развитию. Справедливо указывается на различия в мировоззрении естественников и гуманитариев. Причем автор, констатируя, что последние не понимают подходы и мышление первых, считает, что естественники все же могут понять методы гуманитариев (Кульпин 2014: 9)⁴. Я бы не обобщал. Вышеприведенные примеры (работы Турчина и Клименко) свидетельствуют об обратном, хотя сам автор в своих исторических исследованиях действительно демонстрирует вполне исторические подходы.

Однако в общих оценках гуманитарных знаний с Эдуардом Сальмановичем не во всем можно согласиться. В оценке понимания историками фактов автор упрощает, заявляя, что историки безоглядно доверяют источникам (Там же: 11). Это имело место лишь до конца XIX в. С тех пор без серьезного анализа и критики источников не обходится ни одно историческое исследование. В наше время это уже аксиома. Также упрощением выглядит утверждение автора о том, что ценность работ историков определяется количеством использованной литературы (Там же: 13). Ценность труда везде в науке определяется результатами. Ссылки же необходимы на частные исследования (в обобщениях) и как свидетельства владения автором всеми накопленными знаниями по соответствующим темам⁵. В своих исторических штудиях Эдуард Сальманович, кстати, поступает аналогично, что подчеркивает адекватность именно такой методы у историков. Также автор преувеличивает «непримиримость» гуманитариев в противоположность естественникам (Там же: 16). По крайней мере, в разобранных выше сочинениях по исторической проблематике безапелляционности то-

⁴ Страницы по изданию (Кульпин 2014).

⁵ Естественникам проще: если разрабатывается действительно нечто новое, оно, естественно, не имеет истории исследования и ссылаться не на что.

же хватает. Возможно, такой вывод Э. С. Кульпина вызван остороженностью многих историков к вторжению на *их* поле «чужаков». Особенно после атак на традиционную историю таких авторов, как Фоменко. Да и неточностей в исторических работах авторов *со стороны*, о чем и я писал, тоже хватает, что не добавляет им авторитета среди моих коллег. А споры уже внутри *цеха* историков определены именно недостатком и нечеткостью исходных данных, что оставляет простор для различных интерпретаций и толкований. Привыкшим к точности естественникам это непонятно. Но таковы реальные трудности в познании прошлого. Ссылка на М. В. Крюкова (Кульпин 2014: 16–17), старавшегося не делать выводов из ограниченного материала, некорректна. Это частный случай. Есть осторожные авторы, принципиально старающиеся избегать обобщений. Но чаще историк, особенно изучающий ранние эпохи, делает выводы именно на основе весьма ограниченного набора фактов. Особенно это относится к археологам, на которых часто любят ссылаться при обращении к истории естественники (возможно, из-за наличия у археологов реальных, осязаемых артефактов).

В разных контекстах сквозит преобладающее представление о склонности гуманитариев к схематизму. Например, у них «роль аксиом играют схемы развития... Они просты, но точность их весьма сомнительна: реальная жизнь в них укладывается тяжело или не укладывается вовсе» (Там же: 15). Согласен, реальная жизнь вообще не укладывается ни в какие схемы, в том числе и в естественно-научные аксиомы и теории, которыми автор предлагает дополнять исторические поиски и методики. Упрек же историков в схематизме корректен лишь отчасти. Автор, очевидно, имеет в виду советскую историографию с ее истматовской догматикой.

Все намного сложнее. Представление о наличии единого учения, объясняющего мир (по сути, религиозное), существовало издревле. Марксизм, особенно в трудах его эпигонов, является, пожалуй, наиболее поздним вариантом такого догматического взгляда на мир. В советской историографии к 30-м гг. прошлого века он по известным причинам победил. Но уже к 60-м гг. в формационной теории возникли заметные трещины. Причем расшатывать «пятнечленку» начали именно старшие коллеги Э. С. Кульпина по восто-

коведению в ходе очередной дискуссии об *азиатском способе производства*. Затем к ним присоединились медиевисты и античники. Вспомним нашумевшую в начале 1970-х гг. книгу А. Я. Гуревича о генезисе западноевропейского феодализма, прервавшую на долгие годы его академическую карьеру. Тогда же мне (и не одному, в публичной лекции) удалось услышать от одного из ведущих советских античников В. И. Кузищина утверждение о наличии в римском рабовладельческом хозяйстве элементов капитализма. Нас тогда это удивило: как же так – капитализм в рабовладельческой формации! Нарушение догмы! В тогдашней советской литературе такого не печатали. Но, как видно, «брожение» в умах уже было. Дискуссии того времени хорошо описаны известным востоковедом Л. Б. Алаевым (2000). Позднее они отразились, например, в публикации традиционной и оппозиционной концепций генезиса европейского феодализма под одной обложкой в главах о раннесредневековых германцах (Удальцова 1985), написанных Л. Т. Мильской (традиционный подход) и А. Я. Гуревичем (новый для советских историков взгляд, из-за которого рукопись книги лежала более 10 лет). Можно вспомнить и о взглядах И. Я. Фроянова на генезис феодализма на Руси. В современной русскоязычной историографии отголоски ортодоксального марксизма проявляются разве что в применении терминологии, привычной для моего поколения со студенчества. Зарубежные историки в большинстве своем такого догматизма вообще по понятным причинам избежали. За пределами СССР историки при обращении к марксизму предпочитали его достижения, но не догматику. Здесь можно вспомнить прежде всего М. Блока и Л. Февра, в знаменитых «Анналах» обративших внимание на эвристичность марксистских подходов для понимания до-капиталистических экономик.

Кстати, именно К. Маркс в своем *азиатском способе производства*, если не ошибаюсь, одним из первых обратил внимание на роль ирригации в образовании восточных деспотий. К почти аналогичным выводам тогда же пришел упомянутый в книге Э. С. Кульпина (2014: 64) эмигрировавший из России публицист и ученый Л. И. Мечников (1995). Тут можно вспомнить, что именно из-за «азиатского способа производства» началось расхождение социолога и синолога К. Виттфогеля с Марксом. Кратко остано-

люсь на этом, ибо именно воззрения данного исследователя Э. С. Кульпин привел в качестве примера вульгарного марксизма в исторических исследованиях (Кульпин 2014: 18).

Как Виттфогель сам впоследствии признавался, «главную идею его жизни – теорию “восточного деспотизма” – ему подсказал все же не К. Маркс, а М. Вебер» (Пиков б. г.). К этой своей теории он подошел по-немецки основательно, получив серьезную подготовку у известных в 20-е гг. прошлого века немецких китаеведов. Восприняв марксизм не догматично, Виттфогель не боялся критиковать его отдельные положения. На основе изучения китайской истории он обвинил Маркса и Энгельса в отказе от дальнейшей разработки идеи «азиатского способа производства» из-за критики анархистов, предсказавших опасность создания бюрократического (и даже тоталитарного) общества при соединении коммунистических идей с восточными традициями. Виттфогель утверждал, что в полемике с Бакуниным на вопрос, исчезнет ли эксплуатация и эксплуатируемый класс после ликвидации частной собственности на средства производства и централизации этих средств в руках государства, Маркс не ответил намеренно, ибо не смог убедительно опровергнуть лидера и теоретика анархизма (Wittfogel 1957: 487, 488). Таким образом, заключил Виттфогель, Маркс совершил грех против науки (Мун 2009: 28). Наблюдая за становлением советского общества и посещая СССР в конце 1920-х – начале 1930-х гг., Виттфогель сумел распознать тоталитарную сущность сталинизма именно как формы восточного общества. После прихода к власти Гитлера и кратковременного ареста он эмигрирует в США, где занимается в основном синологией и в качестве синолога совершает поездку в Китай. В эти годы он выступил с резкой критикой политических процессов в СССР, а после заключения в 1939 г. известного пакта Молотова – Риббентропа официально заявил о разрыве с коммунистами. С этого времени Виттфогель для советской историографии перестал существовать, превратившись в ренегата, антисоветчика. Книги его не выдавались читателям библиотек, в том числе и основной его труд, изданный в 1957 г. в США – «Восточный деспотизм», в котором он сравнивал эту систему с коммунистическим тоталитаризмом и заявлял, что политический строй СССР является последней и наиболее логичной формой восточного деспотизма. Не-

случайно, хотя эта книга была переведена почти на все европейские языки и ей посвящено множество научных статей и монографий крупных специалистов, русского перевода нет (Wittfogel 1957: 5–6, 439–441; Мун 2009: 28; Пиков б. г.; Фейгин б. г.)⁶.

Но и правые западные интеллектуалы из-за многолетнего увлечения марксизмом к работам и взглядам К. Виттфогеля относились весьма критично. Сказывалось сохранение в «словаре» ученого марксовой социологической терминологии, что подметил и Кульпин. При малейшей возможности подчеркивалось, что концепция Виттфогеля не соответствует фактам истории. Его критиковали и многие китаеведы, в том числе один из его учителей, за абсолютизацию значения ирригации в земледелии как Китая, так и других восточных обществ. Автор популярной (хотя тоже не без изъянов) цивилизационной концепции А. Тойнби заметил, что Виттфогель «“дает не на то дерево”, ибо самые худшие формы тотальной власти возникли в странах не с ирригационным землевладением, а с дождевым орошением» (цит. по: Пиков б. г.). Для автора одной из наиболее известных концепций локальных цивилизаций подход Виттфогеля был неприемлем как попытка применить к истории стран Азии марксистский тезис об определяющей роли производства по отношению к иным элементам общественной жизни. У Тойнби, как известно, был другой цивилизационный критерий – религиозный. Характерно название одной из рецензий на «Восточный деспотизм» – «Деспотизм концепции». Автору указывали на роль многих других факторов в истории Востока, на увлечение критикой тоталитарных режимов, в том числе советского и китайского времен Мао, что действительно имело место. Очевидно, Виттфогель до конца жизни сохранял элементы марксистской методологии, продолжая полемику с прямолинейным, догматичным толкованием идей Маркса.

Современный американский антрополог Роберт Карнейро отнес «гидравлическую гипотезу» Виттфогеля к волюнтаристским, то

⁶ Думается, не совсем удачно (вероятно, только в русском переводе) звучит и само определение Востока как “hydraulic society” (гидравлического общества). Возможно, точнее было бы назвать эти общества основанными на особой гидроагрикультуре, или проще – ирригационными (Пиков б. г.).

есть искусственно сконструированным, теориям. Карнейро, опираясь на более поздние исследования археологов, приводит примеры того, что в регионах, которые использовал для иллюстрации своих выводов Виттфогель – в Месопотамии, Китае, Мексике, – государственная организация сложилась еще до проведения крупномасштабной ирригации. Более того, именно наличие данной организации позволило осуществить значительные гидротехнические работы. Иными словами, ирригация не была причиной возникновения там государственности (Карнейро 2006: 57). Но ведь соответствующие данные появились уже много позже того времени, когда Виттфогель писал свое исследование. Кроме того, для немецкого ученого главным было разобраться в генезисе деспотических режимов, а не государств вообще (см.: Мун 2009: 28). Понимая это, Карнейро заметил, что в рамках таких интересов Виттфогеля он с ним не спорит, но подчеркивает, что не организация ирригации стала причиной появления тех конкретных государств (Карнейро 2006: 68). Представляется, что это формальный подход. Ведь государственность возникала постепенно, проходя через несколько фаз (этапов), и окончательно сложилась на указанных территориях в особых, специфических формах именно благодаря ирригации. Упрек Карнейро вызван скорее разными целями и подходами авторов. В поисках истоков современного деспотизма Виттфогель был больше социологом, нежели историком. Для него история являлась лишь базой для политических теорий. Карнейро же озабочен прежде всего точным пониманием и интерпретацией исходного материала. В идеале, конечно, лучше, если социологи и политологи будут опираться на строго научные заключения специалистов в конкретных отраслях исторических знаний. Но, как видим, это далеко не всегда возможно.

Но и со специальными выводами Карнейро не все однозначно, что и продемонстрировал в своем исследовании истоков китайской цивилизации Э. С. Кульпин. Он указал на роль ирригации в Китае еще во II тыс. до н. э., то есть в догосударственный период (Кульпин 1999: 22–48, 69–70), что и определило направление развития раннекитайского общества.

Следует заметить, что ряд авторов все же поддержали выводы Виттфогеля, выделившего существенный фактор, объяснявший ди-

хотомию «Восток – Запад» (см.: Мун 2009; Пиков б. г.; Фейгин б. г.; Pulleyblanke 1958; Spate 1959). Так что для примера догматичности гуманитарного мышления Виттфогель не совсем подходит. Тем более что, судя по контексту, Э. С. Кульпин знает судьбу этого исследователя.

Есть замечание и другого рода. Не удержусь от цитаты. «Принцип же, принятый у гуманитариев, – приведение большого количества фактов и остановка перед выводением общего правила до тех пор, пока накопленное количество фактов не покажет их всеобщность, на мой взгляд, по меньшей мере не рационален» (Кульпин 2014: 19). И далее: «Это только гуманитарии думают, что все обсчитывается до последней единицы» (Там же: 26). Не знаю таких среди коллег. Показательно, что данный теоретический раздел книги почти не содержит мнений историков. Приводятся суждения только естественников.

Далее по тексту, когда автор переходит к конкретике, поводов для дискуссии уже почти нет. Особенно это относится к анализу роли природного фактора в истории. Приведу лишь некоторые уточнения. Последним генетическим скачком вида *Homo* автор считает существенное увеличение головного мозга 3 млн лет назад (Там же: 53). А исчезновение эструса около 40 тыс. лет назад, что окончательно отделило людей от остального животного мира? Для социализации вида это было чрезвычайно важно, ибо вело к необходимости изменить форму регулирования воспроизводства, что в итоге дало толчок социализации как одной из составляющих сторон формирования *Homo sapiens* (я вернусь к этому сюжету в конце статьи).

Как важное и близкое моим интересам хочется отметить у Э. С. Кульпина повсеместное следование методу сравнительного анализа. Чтобы понять китайскую цивилизацию, он постоянно соотносит ее с Западом; это актуально еще и потому, что не так уж часто подобное делают и историки. Также важно, что ученый подчеркивает значимость изучения не столько фактов, сколько процессов и структур (Там же: 62). Хотя, естественно, для перехода к структурам сначала надо выстроить базу из конкретных данных, чем и занято большинство историков. Ведь обобщения без жесткой опоры на факты несут опасность уже упоминавшейся беллетриза-

ции истории. И здесь можно не согласиться с приведенным Кульпиним мнением Н. Н. Моисеева, что целостное представление о мироздании сложилось к концу прошлого века (Кульпин 2014: 64). Аналогично рассуждали еще европейские схоласты XIII–XIV вв., создавая свои *Зерцала* и *Суммы*. Скорее можно говорить о достигнутых рамках познания на определенный исторический период. Грядущие знания будут, полагаю, добываться иным, более тонким инструментарием. А что это принесет человечеству – бог весть...

Автор справедливо констатирует неполноту исторических источников. Но называть такие источники несущими неполную правду, которая хуже лжи (Там же: 112), полагаю, упрощение. Да, это проблема. Но большинство исторических источников всегда таковы и останутся. Особенно это касается древней истории и археологии, чьи материалы отражают реалии лишь косвенно и весьма специфично.

Так ведь и естественно-научные знания постоянно пересматриваются. И *неделимый* для древних греков *атом* уже далеко не таков. А поиски действительно *элементарных частиц* никак не останутся... Предложение исследователя выходить из положения составлением синхронистических таблиц логично. Но ведь и для них надо отбирать данные, а в этом, как показало использование такого метода в работах В. В. Клименко, также возможен субъективизм.

Думается, критерием соответствия исторических построений реалиям могут считаться логически непротиворечивые связи с множеством исторических процессов, заканчивающихся нашими днями, где мы располагаем уже действительно документированными результатами.

Со второй главы «Социоестественной истории» автор переходит к демонстрации практического применения методов социоестественных исследований, которые вносят существенный вклад в понимание глобальных исторических процессов. Исследователь представляет ряд интересных наблюдений и выводов об особенностях ряда древних цивилизаций: прежде всего древнеегипетской, китайской и античной. И, что наиболее существенно, как уже отмечалось, не только анализирует взаимовлияние природных и социальных факторов, но постоянно делает это в сопоставлении данных цивилизаций между собой. При этом, особо подчеркиваю, метода-

ми СЕИ рассматривается один из наиболее актуальных в наши дни аспектов истории: такое захватывающее явление, как разделение «протоцивилизации Евразии на Запад и Восток».

Убедительными и, на мой взгляд, бесспорными являются наблюдения и выводы Кульпина, сделанные на основе анализа динамики изменения ландшафтов и климата, их влияния на хозяйственную деятельность древних людей и их социальную организацию. Существенно, что автор придает большое значение именно динамике природных процессов, что часто не учитывали историки, принимая за аксиому неизменность географической среды многие тысячелетия. При этом автор порой ставит как бы наивные вопросы, которые историкам могут и не прийти в голову, но ответы на которые необходимы для объяснения вариативности регионального исторического развития. Например, он замечает: «Теоретически именно в Египте должна была произойти первая интеллектуальная революция. Но ее не было» (Кульпин 2014: 133). И далее представляет развернутый ответ.

Или такой вопрос: «Почему Китай вернулся в “семью“ восточных деспотий, а Европа пошла иным путем?» (Там же: 156). И затем автор развернуто рассматривает специфические черты китайского общества, обусловленные сложными природно-хозяйственными, демографическими и политическими взаимосвязями.

Параллельно, как отмечалось, автор сравнивает Китай с Древней Грецией, прослеживая в последней действие аналогичных признаков. Верно подмечено, что специфика ландшафтов породила в Греции и меньшую плотность населения, и особую роль торговли, а это во многом определило политический облик древней Эллады и вслед за ней – Западной Европы. Здесь можно лишь добавить, что становление частной собственности у греков было связано с природой не напрямую, а косвенно – через развитие морского дела, что наряду с торговлей формировало собственников. Мореходство и рыболовство, как и торговля, порождали индивидуальный труд с владением его средствами и результатами – судами и морепродуктами. Ведь никакая власть не могла проконтролировать моряка в его стихии. Так же и в земледелии – сказалось развитие виноградарства, требовавшего индивидуального труда и тесно связанного с рынком.

При анализе китайского общества надо также учитывать общую роль земледелия в установлении деспотизма: земельные владения предполагают лучшие возможности для контроля над территорией и ее жителями – крестьянами (это не купцы и моряки с рыбаками). Показательно, что на севере Греции, в Фессалии и Македонии, где тоже преобладало земледелие, сложилась не полисная демократия, а типичный и для Востока монархический режим, лишь с меньшим уровнем авторитарности из-за общих традиций тогдашней греческой культуры. Неслучайно и Л. Мечников, и К. Виттфогель, и бельгийский египтолог Ж. Пиренн (Pirenne 1945–1956) подчеркивали деспотизм равнинных (речных) народов и склонность к демократиям у морских цивилизаций.

Автор, как уже отмечалось, много внимания уделил сравнению Китая с Европой. Анализ истории Китая произведен последовательно, от истоков до нашего времени, что, кстати, возможно в не очень обширном тексте именно из-за неизменности основных параметров китайского общества, отразившейся в современной актуальности конфуцианства. Но к европейской истории столь кратко, как у автора, обращаться недостаточно. Получилось дискретно: от изначальных природных условий – сразу к протестантизму. То есть автор перескочил через 1,5 тыс. лет европейской истории. Сравнивается традиционная китайская модель и современная европейская. Если для Китая это нормально, то анализ Европы явно обедняется. В итоге автор не выявил все истоки европейского феномена, хотя это естественно вследствие интереса Кульпина к Китаю; Европа занимает его меньше. Но в таком случае в качестве примера применения методов СЕИ надо бы в перспективе и о Европе говорить подробнее. Тогда и природная составляющая выглядела бы нагляднее.

Более подробный анализ древней и средневековой европейской истории показывает, что на развитие западной окраины Евразии повлияли не только условия и достижения античного мира, но и особенности становления германского общества. В чем-то ранние германцы были, как ни странно, похожими на древних греков, ибо тоже относились к морским народам, которых судоходство, рыбная ловля и торговля из-за проблем с землей вынуждали расселяться дискретно. Сказался и мягкий атлантический климат, позволявший

древним германцам, как и грекам, обеспечивать себя всем необходимым усилиями небольших коллективов, по сути – малых семей (что, например, не могли себе позволить в более континентальных условиях славяне, спасавшиеся *толокой* и коллективной собственностью). Мелкоконтурность земельных угодий, как и у греков, породила развитие мелкой земельной собственности: шведский одадь, германский аллод. Последний в процессе германского расселения по западу континента соединился с римскими нормами частного права и породил известный западный феномен – гарантии собственности, на которых вырос западный сеньориальный феодализм с широкими местными правами, поставившими заслон авторитарным традициям. Западноевропейским королям в их естественном стремлении укреплять свою власть постоянно противостояли феодалы, имевшие уходящую в аллодиальные порядки первых веков новой эры гарантированные права на землю. На частнопровые традиции уже в начале II тысячелетия опирались создававшиеся в Западной Европе города, также оттягивавшие на себя часть государственной власти через разные формы самоуправления. В них родились и традиции представительной власти в виде парламентов (подробнее см.: Риер 2003; 2006). Как видно, изначальный толчок к особому пути развития Западной Европы, как и античного Средиземноморья, исходил из специфического сочетания природных условий с потребностями хозяйственного и социального развития.

Исследование Кульпина также подтвердило эвристическое значение цивилизационного подхода к оценке исторического процесса. Оно показало наличие и специфичность локальных цивилизаций, различия которых во многом определялись именно природными условиями тех территорий, где они формировались и существовали. Поэтому вполне понятно высказанное автором недоумение по поводу отрицания наличия цивилизационного разнообразия в трудах некоторых ученых (Кульпин 2014: 198). Об этом мне тоже доводилось писать (Риер 2012б).

Интересен анализ Э. С. Кульпиным с позиций СЕИ технологий, в частности связи сложных систем с демократиями, а простых – с деспотиями (Кульпин 2014: 211). Хотя, как показывает наше время, высокие технологии могут действовать и в авторитарных ре-

жимах. Но создаваться они могут лишь там, где есть свобода индивидуального творчества. Не зря все «азиатские тигры», выросшие из деспотий, покупают именно западные технологии, а развивают их, лишь «впав» в демократию (Япония, Южная Корея).

Хотелось бы уточнить и утверждение автора о том, что возделывание пшеницы вследствие сложности способствует развитию личной собственности (Кульпин 2014: 225). Но ведь в Древнем Египте этого не произошло. Очевидно, здесь сыграла роль потребность в сложной общегосударственной ирригационной системе, усиливавшая необходимость сильной центральной власти. В европейских и североамериканских условиях – да, сложные технологии можно было применять индивидуально. В Китае же автор верно подметил связь проблем земледелия с демографическим давлением, отсутствием земель для «великих расчисток» по европейскому типу в XI–XIII вв. (Там же: 230). Собственно, похожий фактор сработал и в России, на что обратил внимание Кульпин (Там же: 285).

Желателен комментарий к риторическому вопросу автора: «Разве государство не является весомой ценностью для европейской цивилизации?» (Там же: 238). В Европе со Средних веков была уже не одна цивилизация. На востоке сложилась иная, основанная опять-таки в силу природных условий – большей континентальности климата и близости степняков – на коллективной земельной собственности, которая по мере укрепления правящего слоя превратилась в государственную. В силу этого здесь не сложилась частная крестьянская земельная собственность, а затем и частнофеодальная. На западе же государство выросло из уже существовавших прав частного лица, сначала – крестьянина-аллодиста, затем служилого воина – феодала. Впрочем, автор об этом также писал, приводя свои аргументы для объяснения причин отсутствия в России частной собственности на землю (Там же: 309–313). Но надо учитывать, что формы земельной собственности – важный именно цивилизационный признак.

В рассмотренной книге Эдуарда Сальмановича много и других ценных наблюдений и выводов, не только углубляющих наши знания по отдельным историческим периодам, но и демонстрирующих эффективность новых методик. В целом данная книга показывает

продуктивность предложенного автором подхода, при котором естественно-научные и исторические подходы взаимодополняются.

В заключение статьи хотелось бы обратить внимание еще на один аспект социоестественного подхода к истории, к которому хотелось привлечь внимание если не естественников, то антропологов и социологов. Представляется, что в процессе формирования человеческого сообщества весьма существенную, если даже не определяющую, роль сыграл переход к прямохождению. Точнее, не сам переход, а то, что за ним последовало.

Имеется в виду изменение условий воспроизводства потомства. Переход протолюдей в вертикальное положение усложнил прохождение плода из-за сужения у женских особей тазовых костей. В итоге эволюция отобрала появление на свет недоразвитых детенышей, завершение развития которых растянулось на многие годы. Такая ситуация в корне изменила условия существования вида *Homo*. Потомство теперь надо было не только вынашивать, но еще и более длительное время выхаживать. Матерям в такой ситуации потребовалась регулярная помощь. Остается предположить, что наилучшими помощниками были отцы, инстинктивно заинтересованные в продолжении своего рода. Так внутри первобытных общин стали формироваться стабильные социальные связи в виде семей. В них постепенно концентрировались необходимые средства существования и имущество. В итоге появилась внутрисемейная собственность. Прочность семейных связей подкреплялась стремлением женщин иметь постоянных покровителей, а отцов – кормить именно своих потомков. Произошло гендерное разделение норм поведения: женская верность и более свободные права мужчин. Их могла сдерживать лишь способность обеспечивать своих детей. В итоге имущественно более состоятельные (более сильные, удачливые охотники и воины) могли иметь и небольшие гаремы, что укрепляло их социальный статус через поддержку родственников жен. В этом – один из путей формирования знати.

Представляется, что рассмотренный по сути биологический процесс способствовал отрыву вида *Homo* от животного мира и его окончательной социализации. Укрепление семьи с ее имущественными интересами определило дальнейший путь развития человека в направлении обособления основных воспроизводящих ячеек, что

в свою очередь из-за естественного неравенства и потребности во все усложняющейся социальной иерархии привело к закреплению у лидеров имущественных и наследственных прав. Так возникла знать и произошло выделение из массы первобытных тружеников правящего сословия, то есть очередное глобальное разделение труда и все последующие формы общественной организации. Вот только насколько эти в общем-то умозрительные соображения можно верифицировать? И как в этом помогут методы социоестественной истории? А может, интуиция, позволяющая восполнять лакуны в источниках, тоже является инструментом исторического познания?

Литература

Алаев, Л. Б. 2000. *Община в его жизни. История нескольких научных идей в документах и материалах.* М.: Вост. лит-ра.

Вен, П. 2003. *Как пишут историю. Опыт эпистемологии.* М.: Научный мир.

Карнейро, Р. Л. 2006. Теория происхождения государства. В: Гринин, Л. Е., Бондаренко, Д. М., Крадин, Н. Н., Коротаев, А. В. (ред.), *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* (с. 55–70). Волгоград: Учитель.

Карпюк, С. Г.

2007. Климатический детерминизм и история климата в работах В. В. Клименко. *Вестник древней истории* 1: 244–257.

2010. *Климат и география в человеческом измерении (Архаическая и классическая Греция).* М.: ИВИ РАН.

Клименко, В. В., Мацковский, В. В., Пахомова, Л. Ю.

2012а. Новая сравнительная хронология климатических и исторических событий в Северо-Восточной Европе (VIII–XVII вв.). *Человек и природа в пространстве и времени.* Серия «Социоестественная история». Вып. XXXVI (с. 47–87). М.: ИАЦ «Энергия».

2012б. Колебания климата высоких широт и освоение Северо-Восточной Европы в Средние века. *История и современность* 2: 130–163.

Коротаев, А. В., Клименко, В. В., Прусаков, Д. Б. 2007. *Возникновение ислама. Социально-экологический и политико-антропологический контекст.* М.: ОГИ.

Кульпин, Э. С.

1999. *Восток. Человек и природа на Дальнем Востоке.* Серия «Социоестественная история». Вып. XII. М.: Московский лицей.

2002. Борьба за природные ресурсы в XI–XV вв. *Природа и самоорганизация общества*. Серия «Социоестественная история. Генезис кризисов природы и общества в России». Вып. XXII (с. 119–137). М.: ИАЦ «Энергия».

2014. *Социоестественная история*. Волгоград: Учитель.

Мечников, Л. И. 1995. *Цивилизации и великие исторические реки*. М.: Прогресс.

Мун, А. В. 2009. Сущность концепции «Восточного общества» К. А. Виттфогеля и ее истоки. *Известия Российского государственного педуниверситета им. А. И. Герцена* 111: 27–34.

Пиков, Г. Г. Б. г. *Из истории исторической науки: Карл Август Виттфогель (1896–1988)*. URL: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru/Home/pub/Data/?html=Wittfog.htm&id=739>.

Риер, Я. Г.

2003. *Цивилизации Средневековья и начала Нового времени: опыт структурного анализа*. Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова.

2006. Цивилизации средневековой Европы. *Вестник Европы*. Т. XIX–XX (с. 165–187).

2009. Рецензия на кн.: Э. С. Кульпин. Золотая Орда: проблемы генезиса Российского государства. *Вопросы истории* 10: 166–169.

2012а. Климат и исторические процессы: по поводу исторических представлений проф. В. В. Клименко. *Человек и природа в пространстве и времени*. Серия «Социоестественная история. Генезис кризисов природы и общества в России». Вып. XXXVI (с. 261–298). М.: ИАЦ «Энергия».

2012б. Реплика по поводу статьи: Шнирельман В. А. Слово о «голом (или не вполне голым) короле». *Вестник Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта* 1: 94–96.

2014. Клиометрия и история: некоторые комментарии к междисциплинарным подходам (на примере книги П. В. Турчина «Историческая динамика: на пути к теоретической истории»). *Природа и общество в эпоху перемен*. Серия «Социоестественная история. Генезис кризисов природы и общества в России». Вып. XXXVIII (с. 221–253). М.: ИАЦ «Энергия».

Турчин, П. В. 2010. *Историческая динамика: На пути к теоретической истории*. М.: ЛКИ.

Удальцова, З. В. (гл. ред.) 1985. *История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма*: в 2 т. Т. 1. *Формирование феодально-зависимого крестьянства*. М.: Наука.

Фейгин, М. Б. г. *Гидравлическое государство*. URL: http://www.gramotey.com/?open_file=1269007000 (<http://ej.ru/?a=note&id=9060>).

Хвостова, К. В. 2000. Особенности византийской цивилизации. *Сравнительное изучение цивилизаций мира (междисциплинарный подход)* (с. 181–195). М.

Pirenne J. 1945–1956. *Les grands courants de l'histoire universelle*. De. 1–7. Neuchâtel; Paris.

Pulleyblanke G. 1958. Oriental Despotism by Karl A. Wittfogel. *Journal of the Economic and Social History of the Orient* 1(3): 351–353. URL: <http://www.jstor.org/stable/3596378>.

Spate O. H. K. 1959. The “Hydraulic Society”. *Annals of the Association of American Geographers* 49(1): 90–95. URL: <http://www.jstor.org/stable/2561293>.

Wittfogel, K. A. 1957. *Oriental Despotism*. Massachusetts: Yale University Press.